

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все падо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Пезапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842—1919
Обратная сила. 1965—1982
Обратная сила. 1983—1997
Горький квест. Том 1
Горький квест. Том 2
Горький квест. Том 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Это полный идиотизм!

-Вы меня разыгрываете? Глаза юриста слегка прищурены, брови приподняты, все лицо его, молоджавое и ухоженное, выражает брезгливое недоверие. Что ж, его можно понять. В такое действительно поверить непросто. А если уж совсем честно говорить — то поверить трудно.

— К сожалению, я серьезен как никогда. Кажется, в России принято в подобных случаях говорить «полный идиотизм», я не ошибаюсь?

Юрист рассеянно кивнул, обдумывая услышанное, потом спохватился:

— Я бы не стал называть ваш проект идиотизмом... — чуть виновато проговорил он. — Но согласитесь, все это более чем необычно. Я бы даже сказал: странно.

— Согласен, — кивнул я. — Но что поделать, таково доставшееся мне наследие, и финансовое, и биологическое. Мой дальний предок, Джонатан Уайли, был таким человеком, которых принято называть эксцентричными. У него был ужасный характер, он перессорился со всей родней, ни с кем не под-

держивал отношений, а общий язык мог находить только с такими же эксцентричными людьми, как он сам. Видимо, эта его особенность воплотилась и во мне.

— И..? — Брови юриста чуть сдвинулись, обозначая непонимание.

— Среди потомков Уайли я не один такой, — улыбнулся я. — Странные, кажущиеся глупыми и необъяснимыми поступки совершали и другие представители нашей семьи. И это, как мне думается, еще раз подтверждает, что в целом затея Джонатана Уайли и его единственного близкого друга Роберта Купера не так уж абсурдна. Разумеется, я понимаю, что за сто пятьдесят лет жизнь значительно изменилась, мир стал совсем иным, и предвидеть этого Уайли и Купер в те годы никак не могли. Жизнь текла медленно, письма шли долго, путешествия, на которые сегодня тратится несколько часов, тянулись месяцами. Тогда, в конце шестидесятых годов позапрошлого столетия, казалось, что и через сто пятьдесят лет все будет устроено так же, а если перемены и произойдут, то незначительные и в основном чисто технического характера. По их представлениям, слово джентльмена останется таким же незыблемым эталоном надежности, а пожелания родителей будут неукоснительно выполняться детьми. Одним словом, моего предка и его друга обуял грех гордыни: они сочли, что в состоянии все учесть и все просчитать наперед.

Юрист некоторое время молчал. Я терпеливо ждал, рассматривая серый пейзаж за окном, и немного сожалел, что конференция по проблемам перевода, на которую меня пригласил Институт русского языка, проходит в такой безрадостный дождливый сезон. Мне нравилось бывать в Москве, я приезжал в Рос-

сию много раз, но никогда прежде здесь не было так уныло и некрасиво, как сейчас.

Мы сидели в тихом безлюдном баре отеля, в котором я остановился. По вечерам здесь сживало не более трех-четырёх человек, а днем посетителей не было вообще, я хорошо это помнил по предыдущему приезду два года назад. Отель мне понравился еще тогда, он был небольшим, но неоправданно, просто безумно дорогим, поэтому гостей в нем немного. С точки зрения «здоровой» экономики такой отель — это как раз то, что можно назвать «полным идиотизмом». Но в России экономика не здоровая, а отмывания денег никто еще не отменил. Излишние траты в данном случае меня не смущали, хотя я никогда не был мотом и транжирой, а уровень комфорта казался более чем удовлетворительным. Самое главное — малоллюдно, а значит — тихо. Для меня это очень существенно.

Молчание затягивалось, и мне это не нравилось.

— Если у вас есть сомнения, я готов предоставить все документы, — предложил я.

Мой собеседник вздохнул:

— Хорошо, я верю, что вы меня не разыгрываете. Но у меня остаются вопросы.

— Постараюсь ответить полно. И гарантирую, что отвечу честно.

— Зачем вам это? Насколько я понял, вы не принадлежите к той ветви потомков, на которых лежит... Как бы это сказать... Моральное обязательство. Вы не ученый и не писатель, вы переводчик, и создание монументального труда...

Он снова запнулся, но я отлично понял, что он хотел сказать: «Создание монументального труда вам не по зубам, тем более в вашем преклонном возрасте, когда нормальные люди уже не берутся осваивать

новые профессии». Именно эти слова я уже слышал, только из уст совсем другого человека. И именно они заставили меня всерьез взяться за выполнение условия Уайли — Купера. Впрочем, не только они...

— Мне семьдесят шесть лет, — ответил я, не дожидаясь, пока юрист подберет приемлемые слова для выражения своей мысли. — И я профессиональный переводчик. В моем арсенале четыре языка, с которых я перевожу на английский научную литературу — доклады, статьи, монографии по физике, химии и биологии. И еще пять языков, владение которыми позволяет мне переводить любые тексты, не требующие специфических научных знаний. Этой работой я занимаюсь почти шестьдесят лет, а иностранные языки начал изучать в трехлетнем возрасте. Полагаю, вы вполне можете представить себе уровень и качество работы моего мозга и состояние памяти. Так что если вас смущает мой интеллектуальный потенциал, то могу вас успокоить. А на ваш вопрос: «Зачем?» — отвечу: люблю новизну, люблю учиться, люблю осваивать то, чего раньше не делал. Я ведь предупреждал вас, что унаследовал некоторую долю эксцентричности Уайли.

Он кивнул, видимо, удовлетворенный моим объяснением.

— Тогда я могу считать, что и на второй вопрос вы ответите так же, со ссылкой на особенности характера, — констатировал он задумчиво. — Я собирался спросить, почему вы придумали такой странный и трудоемкий метод сбора материала. Но вы ведь и его наверняка стали бы оправдывать своей эксцентричностью, верно?

— Верно, — рассмеялся я. — Но не думайте, что я не пытался решить вопрос другим способом, более

легким и простым. Я провел много времени в беседах с русскими эмигрантами, но удовлетворительного результата не получил. Тот, кто мыслит как двадцатилетний юноша, не жил в России в семидесятые годы прошлого столетия, а те, кто жил и был в то время молодым, сейчас уже зрелые люди в солидном возрасте, они не в состоянии перешагнуть через собственный жизненный опыт, накопленный за все последующие годы. К тому же я не только эксцентричен, но и одинок, и весьма состоятелен, наследников у меня нет, а вкус к жизни и новизне сохранился. Так почему бы не поставить эксперимент, пусть даже трудоемкий и финансово затратный?

— Еще вопрос: почему вы решили приступить к работе сейчас? Вы ведь сказали, что по условиям Уайли — Купера материал должен собираться на протяжении ста пятидесяти лет, начиная с тысяча восемьсот семидесятого года, то есть до две тысячи двадцатого года, и только после этого на рассмотрение конкурсной комиссии можно будет представлять результаты. У вас впереди еще три года, даже чуть больше.

— Понимаю ваше недоумение. Сейчас только ноябрь шестнадцатого года, и вам кажется, что я взялся за дело слишком рано. Вы молоды, друг мой, и, как и все люди вашего возраста, строите планы на годы вперед, исходя из того, что сможете их осуществить, если не помешают какие-то уж совсем крайние обстоятельства. Но вероятность подобных обстоятельств вы оцениваете как очень маленькую, я прав? В оценку вероятности вы закладываете экономическую составляющую в первую очередь, но почти никогда не закладываете составляющую естественную, физиологическую. Вам ведь в ваши годы не приходит в голову думать: а что будет, если я попаду под машину и останусь обездви-

женным инвалидом, правда? Когда вам меньше тридцати пяти, вы обычно не принимаете в расчет болезни, несчастные случаи и тем более смерти. Когда вам за семьдесят, вы при составлении любых планов в первую очередь думаете именно об этом. Не помешает ли болезнь сделать то, что я задумал? И буду ли я вообще к этому времени еще жив? Жизнь сделала меня осторожным и предусмотрительным, поэтому я приступил к работе с большим запасом времени. Все доступные на сегодняшний день материалы я тщательно изучил и за последний год сделал довольно приличный анализ. Добавить к нему данные еще за три года — дело нескольких недель, а возможно, и дней. Сегодня я еще полон сил и энтузиазма, но кто знает, каким я стану через три года, если доживу? Возможно, как раз через три года большой труд окажется мне и в самом деле не по силам, а вот доделать совсем небольшую часть я вполне буду в состоянии.

Юрист снова умолк, но на этот раз не для того, чтобы подумать: он делал какие-то записи в раскрытом перед ним блокноте.

— Тогда у меня возник еще ряд вопросов, — проговорил он, отложив ручку в сторону. — Вы поддерживаете отношения с родственниками той ветви, которая непосредственно занималась сбором материалов?

Я не собирался лгать или что-то скрывать. Но хотелось ответить как можно более кратко. Разговор меня утомил, я вообще не люблю подолгу разговаривать.

— Почти не поддерживаю. Если быть точным — я не общался ни с кем из них с девяносто второго года, то есть с того момента, как они эмигрировали в США из России. Когда они приехали, состоялось наше знакомство, очень кратко, буквально в течение пары часов. Они мне не понравились, никаких родственных

чувств я к ним не испытывал, мило поболтал с ними о каких-то пустяках и распрощался. Прошло двадцать лет, на протяжении которых я не питал к ним ни малейшего интереса, равно как и они ко мне, как только поняли, что я не собираюсь брать на себя функции опекуна, заботящегося о несчастных, сбежавших от коммунистического режима в поисках лучшей доли. Коммунистического режима, правда, к тому времени уже не было, он рухнул, но в США их ждали вполне приличные деньги, которые оставались недоступными, если бы эти люди жили в России. Если сформулировать более точно — мои родственники не знали, в каком направлении пойдет экономическое развитие их страны, какие будут приниматься законы касательно валюты, и не были уверены, что смогут воспользоваться лежащими на американском счете деньгами. Как я успел понять из их рассказов, отъезд из России и жизнь за границей были давней, многолетней мечтой всей их семьи. Их было трое: пожилая женщина, ее дочь лет тридцати пяти примерно и внук-подросток. Три года назад я случайно столкнулся с этим внуком в конторе адвокатов, которые ведут дела нашей семьи, и узнал, что он собирается выполнить условие Уайли — Купера и получить причитающееся вознаграждение. Вот этого я допустить не могу.

— Почему?

— По личным причинам. Если вы настаиваете на их раскрытии, то нам с вами придется уделить этому вопросу еще какое-то время, но уже не сегодня. Сегодня мне нужно получить ваше принципиальное согласие на сотрудничество и составить план действий. Если вы отказываетесь, то я оплачу время, которое вы потратили на нашу встречу, и буду искать другого юриста.

Он не отказался. То ли сумма предложенного мной вознаграждения выглядела привлекательной, то ли сама затея показалась любопытной, а возможно — и то, и другое одновременно. Я несколько раз озвучил свое главное требование: все должно быть абсолютно законно и прозрачно, чтобы не возникало ни малейших проблем с государственными органами.

— Мы создадим юридическое лицо, в уставных целях которого укажем «проведение краткосрочного эксперимента для изучения поведенческих реакций в условиях отказа от современных носителей информации», — предложил юрист. — И все будет честно и открыто. Не возражаете?

Разумеется, я не возражал. Такая формулировка полностью соответствовала действительности.

— Сколько времени вам нужно на ваш эксперимент?

— Надеюсь уложиться в месяц. Буду рад, если получится быстрее.

— А если за месяц вы не достигнете желаемого результата?

— Значит, я потерплю поражение, — улыбнулся я. — Практика показывает, что мозговой штурм не может быть эффективным, если длится дольше месяца. Люди устают, глаз замыливается.

— Иными словами, вы готовы к тому, что ваши усилия и финансовые затраты могут оказаться бесполезными? — уточнил юрист.

— Готов. Я уже в том возрасте, когда готов к любому повороту событий.

— В какие сроки вы предполагаете провести всю подготовительную работу?

— Было бы неплохо, если бы вы уложились в полгода... Это реально?

Юрист задумался, что-то прикинул, покачал головой.

— Если вы готовы платить, то вполне можно успеть. Над вашим проектом должна работать целая команда: юридическое оформление, выбор объекта, решение массы технических проблем с оборудованием, кастинг и отбор участников, подбор персонала... Если делать это малыми силами и последовательно, времени потребуется много. Если приступать к работе одновременно по всем фронтам, придется задействовать многих людей, и все они должны получать свою зарплату. Не говоря уже о том, что при решении вопросов на административном уровне...

— Да, — продолжил я, — мне известна практика вашей страны. Не могу сказать, что она мне нравится, но я не борец за преобразование мира. Я привык принимать все таким, каким оно является.

Юрист еще раз пробежал глазами свои записи.

— Господин Уайли, ваши пожелания по персоналу...

— С ними что-то не так? — нахмурился я.

— Нет-нет, мне все понятно, кроме одного: вы просите двух переводчиков-синхронистов. Зачем они вам? Вы прекрасно говорите по-русски.

Я рассмеялся:

— Друг мой, я всю жизнь занимался письменными переводами. Мой русский хорош в достаточной мере, не спорю, но он в значительной степени академичен, у меня нет навыка восприятия на слух современной разговорной речи с ее оборотами и идиомами, принятыми в бытовой среде. Мозговой штурм — это обсуждение, участники будут говорить быстро, одновременно, перебивая друг друга. Моего знания русского языка не хватит на то, чтобы услышать и адекватно воспринять все сказанное, а я ведь не могу позволить

себе упустить важную мысль. Я стараюсь предусмотреть все возможные сложности. Хотя и понимаю, что это нереально. Пример моего предка Уайли и его друга Купера свидетельствует об этом весьма наглядно.

Юрист поднялся и потянулся к куртке, небрежно брошенной на соседнее кресло.

— Мне нужно два дня на первоначальную проработку и составление первого варианта плана, — сказал он. — Вас устраивает?

— Вполне.

Он застегнул молнию, поправил шарф и капюшон, аккуратно сложил в портфельчик на длинном ремне свои вещи — блокнот, гаджеты, ручку. Уже сделав шаг в сторону выхода, внезапно обернулся и спросил:

— И все-таки, господин Уайли, почему? Почему все началось именно в тысяча восемьсот семидесятом? Что тогда произошло?

— За год до этого вышла книга Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений».

Юрист пару секунд стоял молча, потом кивнул и ушел. Я был совершенно уверен, что он никогда не слышал ни о Гальтоне, ни об этой книге и вряд ли что-то понял из моего ответа. Но ответ был честным. Именно так все и произошло.

* * *

Мой прапрадед Джонатан Уайли, по мнению его современников, был просто невыносим. Владелец огромного состояния, доставшегося ему в наследство, он ухитрился жениться по любви на дочери богатого торговца алмазами из Голландии, за которой дали приданое, вполне сопоставимое с размерами капиталов самого Уайли. Прапрабабка моя Эмилия

страдала сильными и частыми приступами мигрени, Джонатан страдал вместе с ней, возил ее по самым известным докторам и лечебницам, но ни пиявки, ни кровопускание, ни горячие ванны не помогали. Помогали только опиаты. После рождения первого ребенка, моей прабабки Грейс, приступы на какое-то время прекратились, и супруги решили, что средство борьбы с неизлечимым недугом наконец найдено. Они так радовались наступившей в скором времени второй беременности Эмилии! Однако младенец умер, не дожив и до трех месяцев. Третья беременность прервалась задолго до срока родов, после чего приступы мигрени возобновились и стали еще более тяжелыми и длительными. Эмилия, истовая пуританка, считала своим единственным долгом быть хорошей женой и матерью и глубоко переживала, что не может из-за своей болезни выполнять возложенные на нее обязанности. Не смогла родить много детей, не уделяет мужу и дочери достаточно времени и внимания, ибо вынуждена при каждом приступе два-три дня не выходить из своей комнаты, где царил постоянный полумрак. В конце концов несчастная Эмилия впала в черную меланхолию, от которой единственным спасением стали все те же опиаты. Финал оказался ужасен, хотя и предсказуем: перемены в ее поведении сделались столь заметны окружающим, что Джонатан счел за благо услатить больную жену подальше, ведь нужно было думать о будущем Грейс, а кто захочет взять в свою семью девушку, когда психическое здоровье ее матери вызывает сомнения? Эмилия вернулась в Голландию, к своим родителям, и там довольно скоро умерла. Джонатан подозревал, что смерть жены была добровольной, но тесть и теща всячески этот факт отрицали. Их можно было понять: самоубийство по